

Е.П.Блаватская

«Люцифер» – Архиепископу Кантербьюрийскому¹ привет

Открытое письмо «Люцифера» (журнала, издаваемого основательницей Теософического Общества, Е.П.Блаватской – «Радды Бай»)

Милорд Примат² всей Англии, – этим открытым письмом мы, теософисты, желаем передать Вашему Преподобию, а через Вас всему духовенству, пастве и всем вообще христианам, – в большинстве смотрящих на нас как на врагов Христа, – краткое изложение истинной сути наших отношений к христианству, ибо время сему заявлению наступило.

Вашему Преподобию, без сомнения, ведомо, что теософия не есть вероисповедание, но философия, вместе религиозная и научная, и что наше Об[щест]во имеет задачей оживлять во всяком вероисповедании собственный, ему присущий животворящий дух, разъясняя ему истинный смысл его учения и постановления. Теософисты знают, что чем более углубляешься в значение догматов и обрядов всех религий, тем очевиднее становится сходство их основ, пока, наконец, является предположение единства их происхождений. Эта общая основа именно и есть теософия – тайное учение веков: разделенная, переряженная, чтобы быть под стать способностям и свойствам толпы и потребностям времени, она была вековечным источником верований всех народов. Теософическое Об[щест]во имеет ветви, составленные из христиан, буддистов, индусов, магометан, парсийцев и *свободомыслителей*; все они работают вместе как братья на единой почве теософии. Успех нашего Об[щест]ва именно тем и объясняется, что учение его – *не религия* и не может заменить религии для большинства; многочисленность его членов и сила его влияния, также как и успешная деятельность – оживление духа веры и братской любви в людях, основаны на его полной терпимости и уважении к убеждениям своих ближних.

Мы, теософисты, видим в вероисповедании человека – случайность его рождения в жизнь, дарованную ему ради дальнейшего развития духа, но признаем, что хотя и бывают, в редких случаях, люди рождающиеся без религиозного чувства, тем не менее, оно присуще человечеству. Народы должны иметь общие вероисповедания, связующие их нравственными узами, под страхом общественного разложения и материального уничтожения. По нашему разумению, каждое религиозное учение должно стремиться представить нашему ограниченному пониманию великие космические и духовные истины в образах, приспособленных к земным представлениям. В нормальном состоянии нашего сознания эти истины неопределенно чувствуются, но ясно сознают их и понимают немногие; потому откровение, чтобы быть *действительным* откровением, должно необходимо приравниваться к нашим ограниченным земным представлениям. Вследствие такого ограничения, кажется нам, что не может быть в мире религии [ни] абсолютно истинной, ни абсолютно ложной. Религия истинна в той мере, в какой она удовлетворяет нравственным и духовным нуждам времени и пособляет развитию человечества в этих отношениях; она ложна – если мешает этому развитию, нанося ущерб духовной, нравственной и умственной сторонам человеческого природы. Для африканского дикаря, например, были бы совершенно фальшивы и немыслимы отвлеченные, трансцендентально-духовные понятия, которые имеет восточный мудрец насчет сил, управлявших миром, настолько же, насколько низменный фетишизм африканца казался бы нелеп мудрецу; хотя взгляды обоих до некоторой степени

Публикуется по: ГАРФ, ф. 5972, оп. 3, д. 373.

Перевод в сокращении с английского В.П.Желиховской.

Подготовка текста и комментарии А.Д.Тюрикова.

Первая публикация в: *Lucifer*, 1887, т. I, декабрь.

¹ Кантерберийскому (*англ.* Canterbury).

Е.П.Блаватская обратилась к Эдварду Уайту Бенсону (1829–1896), архиепископу Кантерберийскому с 1883 г., женатому с 1859 г. на Мэри Сиджвик (1841–1918), сестре Генри Сиджвика (1838–1900), английском философе, экономисте, писателе, профессоре философии Кембриджского университета, одном из основателей и первом президенте Общества психических исследований (1882–1884, 1888–1892).

² Примас (*англ.* primate).

справедливы, ибо они представляет крайнюю высоту мышления, до которой каждый из них может достигнуть, касательно духовно мировых вопросов, каких полное познание недостижимо человеку во плоти.

Вот вследствие каких понятий теософисты уважают все верования, а к религиозной этике Иисуса они имеют глубочайшее, восторженное уважение. Да иначе и быть не может, ибо его заветы, дошедшие до нас, тождественны с учением теософии. Итак, настолько, насколько *современное* христианство на *практике* соблюдает заветы Христа, – теософисты с ним готовы идти душа – в душу, рука – в руку. Но как только оно идет вразрез с его прямым и чистейшим учением, мы – противники его... Каждому христианину доступно, при желании, сравнение Нагорной проповеди с позднейшими догматами его церкви, с духом, воодушевляющим ее, – с теми принципами, которые на *деле* преобладают в цивилизации *якобы* христианских народов и управляют собственной жизнью его. Сравнив, он сам будет иметь возможность рассудить, насколько заветы Иисуса вошли в *его* христианство, – а поэтому и насколько могут с ним согласоваться теософисты. Но, к несчастью, христиане, исповедники буквы, а в особенности духовенство, не захотят углубляться в эти сравнения... Подобно торговцам, боящимся оказаться банкротами, они, вероятно, бояться открыть недочеты, которых нельзя пополнить материальными сбережениями, ибо обязательства эти не от мира сего. Сравнения между учением Христа и доктринами церковью бывали не раз проводимы, – часто с великими знаниями предметов и остротой критического взгляда; их проводили и друзья христианства, замышлявшие лишь реформы, и враги его, готовые его изгнать. Общий вывод этих сличений, – как без сомнения Вашему Преподобию известно, – доказывал, что едва ли не по всем пунктам настоящие внушения церкви и обычаи христиан идут *диаметрально вразрез с проповедью Христа*.

Мы привычны говорить народам восточных вероисповеданий: «Путь к познанию теософии лежит через собственное ваше вероисповедание». Мы говорим так буддисту, парсийцу, инду, магометанину, ибо в их религиях есть глубокие философские, эзотерические³ значения, объясняющие аллегории, под которыми они представлены массам; но мы не можем сказать того же христианам нашего времени. Последователи Христа, наследовавшие миссию от Его Апостолов, никогда не излагали сокровенного значения Его учения, ни с кем не делились знанием «тайн Царства Небесного», – кои дано было знать им (апостолам) одним⁴. И вот, течение времени их стерло, устранило, уничтожило. Оно донесло до нас лишь правила, притчи, аллегории – образы, которые Иисус предназначал для ограниченного понимания духовно слепых и глухих. Он предоставлял «имевшим глаза и уши» позже истолковать их истинное значение миру, но Отцы позднейших церквей не исполнили этого завета правильно: до современного нам христианства дошли весьма неясные представления и в большинстве случаев оно или принимает все аллегории буквально, или покорно несет свои недоумения... В обоих случаях поучения Христовы ныне подобны цветам, срезанным со стеблей, – утратившим родное растение и корень, которым оно жило и питалось...

Если бы мы направляли христиан к изучению собственной их религии, как мы то делаем с желающими изучать теософию других вероисповеданий, последствием их изучений явилось бы не знакомство с истинным значением таинств, но или возрождение средневековых суеверий, или же еще большее усиление скептицизма. Первое повело бы к религиозной нетерпимости, к процветанию обрядности, машинальному шептанию молитв и к вдохновенным отчаянием громким проповедям личных убеждений, произвольных толкований, – результаты коих сказались в образовании хотя бы тех 239-ти сект, огорчавших одну Англию. Второе же сказалось бы еще губительнее на увеличении материализма, который нигде не может так процветать как в религии, утратившей свое эзотерическое основание... А даже Вы сами, милорд Примат всей Англии, не можете не сознавать с сердечной болью, что «тайны Царствия Божия», которым Иисус поучал своих Апостолов, Вам столь же мало ведомы, как и последнему неграмотному члену Вашей паствы.

Из этого легко уразуметь, что теософистам нечего сказать против воспрещения Римско-католической церкви или более снисходительного *неодобрения* церкви протестантской – чтения мирянами Нового Завета и всяких частных изысканий значения христианских догматов, которые соответствовали бы эзотерическому изучению других вероисповеданий. При настоящих понятиях и знаниях их христиане (по букве) не могут предпринимать критический разбор своих верований в

³ Сокровенные, отвлеченные, – предоставляемые избранным. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁴ Ев[ангелие] Марка IV, 11; Матфея XIII, 11; Луки VIII, 10. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

надежде добрых результатов. Его неизбежным следствием было бы не возбуждение, а парализование их религиозного чувства. Разборы Библии и сравнительная мифология давно убедили беспристрастных исследователей, что *ныне процветающее* христианство состоит из остатков еврейства, язычества и плохо переваренных обрывков гностицизма и неоплатонизма. Эти составные части, накопившиеся вокруг притч и слов Иисуса, силой времен поддались разложению и отпадению от драгоценных перлов Его теософических истин, которые так долго ими были прикрываемы, но не могли быть ни уничтожены, ни извращены.

Теософия не только спасает эти дорогие перлы от судьбы грозящей наносной почвы, в которой они так долго погребены, но выручает даже и эти составные части древнейших верований от окончательны гибели. Изучающий ее увидит, что результаты анализа Библии далеко не представляют полных выводов сути христианства, так как каждый обрывок этой любопытной мозаики непременно когда-то принадлежал к верованиям, имевшим свое эзотерическое значение. Скрытый смысл их можно уразуметь лишь возвратив отдельные осколки на прежние места, им принадлежавшие в целом; тогда и настоящее значение христианских догматов, ими прикрытых, может объясниться. Но дабы достигнуть таких желанных результатов, необходимо знание Тайной Доктрины во всей ее неприкосновенности, в разнообразных по внешности основаниях различных религий; такого знания одна христианская церковь дать не может, ибо, как сказано, ее Отцы сначала скрыли, а потом и утратили к нему ключи.

Быть может, Вы теперь благоволите уразуметь, почему Теософическое Об[щест]во включило в одну из трех своих «целей» изучение тех восточных религий и философий, которые проливают столь яркий свет на *внутренний* смысл христианства. Вы соблаговолите вместе с тем, – мы надеемся, – заметить, что, так действуя, мы поступаем не как враги, а как друзья веры, проповедуемой Иисусом Назарянином, – как друзья на деле истинного христианства. Ибо только посредством изучения древнейших верований и философий, христиане могут придти к уразумению своих собственных верований; к познанию тайного значения притч и сравнений, коими Христос поучал иудеев, искалеченных духовно. Непонимание великого смысла их, путаница и произвол в объяснении его массам духовенством различных вероисповеданий не только умалило, а в ином и совершенно исказило и лишило их значения, но и привело христианское вероисповедание в серьезную опасность через вражду церковей; оно и без того расшатано подкопами исторических изыскателей в области мифов, не совсем просвещенных критиков и молотами современных ученых, материалистов, неразборчивых в ударах.

Неужели христиане могут смотреть недружелюбно на теософистов лишь потому, что мы считаем ныне главенствующее христианство не совсем схожим с учением Христа. Или потому, что мы имеем мужество сказать вам, принцам Церкви, что вы изменили Тому, Кому притворяетесь достойными и верными слугами. Возможно ли это?

Теософисты знают, что Дух, животворивший глаголы Иисуса, теплится в сердцах христиан, ибо он присущ человечеству вообще – в лучших его представителях. Их основная задача – Братство человечества – достижима лишь при развитии силы этого «духа христианства». Дух Христов и ныне отчасти присущ людям, но он разовьется до реальной деятельности, когда люди будут лучше понимать, ценить и сочувствовать друг другу, – именно когда между ними падут преграды, воздвигаемые соперничеством войн, фанатизмом ненависти, разжигаемых их руководителями, духовными и мирскими. Мы знаем, что есть множество истинных христиан, которые своею жизнью далеко превосходят уровень общего нашим временам христианства. Все вероисповедания, все нации и церкви имеют благородных, добродетельных представителей, мужчин и женщин, готовых к самопожертвованию и излиянию всяческого добра и света в доступном им районе и по доступному им пониманию, которые стремятся к сферам более высоким, чем земные помыслы и радости; они воистину христиане – последователи Иисуса в духе. К таковым теософисты относятся с величайшей симпатией и уважением, ибо мы знаем, – что без сомнения ведомо и таким высокоразвитым душевно и умственно особам, как Ваше Преподобие, – до чего трудно нежным росткам прирожденных, истинно христианских добродетелей найти местечко на неприветной почве современного, *по букве*, христианского человечества, – куда [можно] спокойно пустить корни и оградить свое безопасное развитие. И в особенности неприветна и холодна для произрастания избранных отпрысков человечества богословская почва нынешней христианской цивилизации... Как, например, жестока должна быть теологическая

обязанность *любить* такого бога, как описываемый Гербертом Спенсером в следующих, хорошо известных строках.

«Жестокость божества фиджиан⁵, которое по их понятиям пожирает души умерших, нанося им кратковременное мучение, ничтожна в сравнении с богом, осуждающим на *муки вечные*...» А далее: «Возмездие за грех Адама на сотнях поколений его потомков ужаснейшими наказаниями за преступление не ими совершенное; осуждение гуртом всех человеческих созданий, которым не удалось стяжать прощение известным путем, о коем большинство и не слыхивало, – это такие действия, которые навлекли бы осуждение и заслуженные нарекания даже на верховного правителя – человека»⁶.

Вероятно, Ваше В[ысоко] Преподобие скажете, что никогда Иисус не проповедовал *такого* Бога. Вот именно это говорим и мы, теософисты. Но, тем не менее, это тот самый Бог, которого Вы официально славите в Кантербьюрийском соборе, милорд Примат всей Англии; после этого Вы, верно, согласитесь с нами, что в сердцах людских искра прирожденной веры живой должна ярко гореть, если они еще ее сохраняют при таком убийственном богословии.

Стоит Вашему В[ысоко] Преподобию бросить взор с высоты архипастырского кресла, чтобы зреть христианские, цивилизованные нации, среди которых процветающая готовность сразиться в жестоком, беспощадном бою не есть только отличительная черта, но признанная добродетель. Ведь нынче принято за научную и экономическую аксиому, что истинный прогресс достигается борьбой за существование и победой более пригодных к жизни, то есть – сильнейших... В нашей *христианской* цивилизации пригоднейшие к существованию не те, которые украшены нравственными качествами, во все века признанными самыми высокими и лучшими: не великодушные, не богобоязненные, не чистые сердцем, не всепрощающие, не правдивые, честные, искренние или добрые, – о нет. Более пригодные у нас те, которые посильней в эгоизме, в лицемерии, в хитрости, в самонадеянности, в грубой бессовестности, в скупости, в жестокости – и в животных качествах... Осужденные на гибель «слабейшие», то есть *не нужные*, – это духовно развитые альтруисты; они предназначены – идти в пищу и в желанное процветание «сильнейшим», то есть грубым эгоистам. Таковы законы, ныне правящие миром... Заключение логическое, последнее слово этики XIX века: «сила есть право». А потому наш цивилизованный мир превратился в безграничное поле битвы, на котором «пригодные» распоряжаются хозяевами, как коршуны, полноправно вырывая глаза и сердца у павших в бою.

Что же религия? Пастыри христиане останавливают ли бой? Служители церкви отгоняют ли коршунов, утешают ли раненых и умирающих?..

Увы. Религия не причем в расчетах государств и частных лиц в наши времена. Когда на весах интересы людские, – служители церкви бессильны и не могут возжечь чувство веры и правды в сердцах людей, потому что их понятия, знания, приемы, аргументы не удовлетворяют требованиям времени, – они все еще отзываются «темными веками»... Милорд примат. *Ваше* христианство отстало на пятьсот лет.

Пока человечество спорило о том, тот или этот Бог – Бог истинный; или о том, в какое именно – то или другое место уходят души после смерти человека, – духовенство понимало вопросы и имело готовые аргументы для соответствующего влияния на общества, силлогизмами или же пытками, – смотря по нужде. Но ныне приспел на очередь вопрос более сложный: а есть ли-де и вовсе такое существо как Бог? Есть ли бессмертный дух, какой бы и где бы то ни было? Вот нынче о чем дебаты.

Наука измышляет новые теории происхождения миров, презрительно игнорируя их Творца; моралисты вырабатывают новые теории этики разума и социальной жизни, в которых жизнь будущая места не имеет. В физике, в медицине, в законоведении, даже в психологии (?!), единственное, что требуется от лектора, это чтобы в его поучениях не было ни намек на такие излишества, как Провидение или бессмертная душа. Мир быстро стремится к убеждению, что Бог – мифическое представление, в сущности, не имеющее ни основания, ни места в природе; а что бессмертная частица бытия человеческого – вздорный сон невежественных мечтателей, поддержанный лжами и обманами духовенства, которое находит свою выгоду, пожиная урожаи с

⁵ Дикари одного из архипелагов Б[ольшой] Океании. – *Примечание В.П.Желиховской.*

⁶ Religion: A Retrospect and Prospect, [in *The Nineteenth Century*, Vol. XV, №83, January 1884] <Религия: ретроспектива и перспективы [в «*The Nineteenth Century*», 1884, т. XV, №83, январь]>. – *Примечание Е.П.Блаватской.*

полей, засеянных суеверием, боязнью людской, чтоб *мифический* Создатель не мучил целую вечность их *воображаемые* души в сказочном аду.

И вот духовенство наших времен в виду всего этого стоит, смотрит и слушает в немом бессилии... Понятно. Ведь единые ответы, которые церковь успешно давала на такие протесты, были – дыба и костер... Но ныне такая система логических доводов – неудобна. Времена ее царства прошли.

Если Бог и душа, проповедуемые церковью, воображаемые представления, в действительности не существующие, то ясно, что и спасение или погибель вечные тоже обманные понятия, внушенные великолепным, многовековым процессом гипнотического внушения на поколения, одержимых «тихой истерией»... Какой ответ даст нам духовенство *на такую теорию* христианской религии... Какими путями вернет оно человечество к прежним верованиям, – кроме повторения отживших свое время доводов, внушений и старых привычек...

«Стройте церкви, молитесь усердней. Устраивайте процессии, сооружайте миссии – и Ваша вера в спасение и погибель душ – возродится вновь, а прямым результатом ее возрождения будет укрепление веры в бессмертие ее и в Бога».

Ведь вот система убеждения церкви и ее единый ответ агностикам и материалистам. Но Ваше В[ысоко] Преподобие должны знать, что идти против нападков современной науки и критической пытливости, вооруженными лишь таким ржавым оружием как привычка да голословные утверждения, все равно, что взять в руки булаву и кожаный шлем и выступить на бой против магазинок⁷ и крупповских пушек⁸.

Но пока с одной стороны прогресс понятий и распространение популярных знаний медленно подкапываются под рутинную теологию, с другой стороны каждое новое научное открытие, каждое новое изобретение, каждый смелый полет мысли передовых людей Европы и Америки сближает дух конца XIX столетия с идеями о Божестве, о духовных силах, о мирах невидимых – идеями давно знакомыми всем эзотерическим религиям с их праматерью – вековечной теософией.

Церковь доказывает, что христианство есть единая истинная вера. Утверждение это содержит два ясных предложения, а именно, что христианство – вера истинная, и что нет истинной веры – вне христианства. Неужели христиане никогда не осенялись предположением, что Господь-Бог и Дух Святой могли, быть может, олицетворяться под каким-либо другим видом, чем их олицетворяют учения их церкви.

Дикарь считает миссионера атеистом, потому что он не возит с собою идола в чемодане; а миссионер, в свою очередь, обзывает атеистами всех, кто в мыслях своих тоже не носит божества под *определенным* видом фетиша. И ни тот, ни другой, ни язычник и ни проповедник христианства, будто и не подозревают, что может существовать высшее представление о великой невидимой Силе, правящей всем, что имеет бытие, – кроме их собственных понятий о Боге. Мы, по правде, не уверены, о чем Церкви более заботиться: об утверждении веры в истину христианства или же каждая более хлопочет об убеждении, что все остальные вероисповедания (не исключая и родственных ей о Христе) – *ложны*, а в ней одной всеобщее спасение... А злостные последствия таких учений ужасны.

Ведь когда люди упраздняют веру в догматы, они воображают, что вместе упразднили и религиозные чувства, и потребность высших идеалов. Они приходят к поспешному заключению, что верования религиозные – излишество в человеческой жизни, пустое воздаяние несуществующему того, что принадлежит реальному существованию, напрасная затрата энергии, которую можно было бы истратить с пользой в «борьбе за существование»... Прямым последствием нетерпимости церквей, их положения, что нет и быть не может ни Силы, правящей мирами, ни бессмертного духа в человеке, кроме постановленных и утвержденных их догматами, явился материализм нашего века... Атеист, милорд Примат, не что иное, как незаконнорожденный сын церкви.

Но это не все.

Церковь никогда не внушала людям высшей или лучшей причины необходимости быть честными и добрыми, кроме надежды на награду или боязни наказания. Поэтому, когда они

---

⁷ Речь идет о магазинном, неавтоматическом оружии.

⁸ Альфред Крупп (1812–1887) – немецкий промышленник и изобретатель, крупнейший поставщик оружия своей эпохи, что дало ему прозвище «пушечный король».

устраняют веру в божественный произвол – основы их нравственности расшатаны. Им даже нет возможности сознательно опереться на чувство прирожденной нравственности, присущее людям рожденным в другом вероисповедании, ибо христианство не внушает ли своим членам сызмала, что они «рождены во грехе». Следовательно, раз первородный грех лежит на них, мирские, эгоистичные, материальные интересы делаются единими мотивами их существования, и разве боязнь человеческого наказания воздерживает от крайних преступлений тех из них, в которых не преобладает особенно счастливые стремления к добру – для добра. Таким образом, дурно понятое и неверно направленное христианство толкает слабого человека не только с пути признания Божества и Духа бессмертного в своем бытие, но и сталкивает его в бездну неверия, пессимизма и порока. Люди на опыте познали, что построение храмов и повторение молитв не действуют ни на силы природы, ни на советы и конгрессы наций; немногие ныне прибегают за помощью в болезнях и бедах к содействию церквей, ибо все чувствуют инстинктивно, что они утратили власть трогать сердца людей, а тем более повелевают невидимыми силами, раз вступив в союз с полицией и политикой...

Кажется неоспоримо, что главная задача религии успокаивать и одобрять человечество в его борьбе с горем и грехом всей жизни. Это возможно достигнуть лишь предоставлением ему благородных идеалов, счастливейшего возрождения за гробом и наиболее достойной жизни на земле, к которой, так или иначе, каждое одаренное разумом создание *должно* стремиться сознательно. Ныне мир хочет слышать от своих церквей о Рождестве и вечном бытии в духе истины и разума совместно с идеями и знаниями времен. Христианство догматическое, не сходящее с буквы давно устаревшего алфавита, не пригодно для паств мыслящих и рассуждающих; такую церковь, коей главная религиозная функция (совершенно отлична от задач политических и социальных) состоит лишь в том, чтоб ублажать фимиамом и песнопениями Божество, в то время как миряне живут по своему, прекрасно зная, что поступают вразрез с велениями Христа, – могут терпеть лишь средневековые умы. Люди нашего века не могут удовлетвориться молитвами о перемене погоды при случае, о помощи Всесильного в избииении их личных врагов да благодарственными Ему служениями за помощь в том и другом. Средневековые представления о Боге и дьяволе, об аде и рае были сподручны духовенству в темные дни невежества и суеверия, но ныне они отслужили ему свою службу; ныне нужны не знахари, не палачи, – а духовные руководители, такие духовники, которые могли бы указывать на идеалы, сообразные с духом и требованиями века разума и рассудка.

Может ли духовенство выполнить такое требование? Удовлетворяет ли его?.. Нищета, преступление, разврат, эгоизм, грубость нравов, ложь, лицемерие, недостаток уважения к себе и другим, неумение сдерживать свои дурные склонности и чужие злоупотребления – все отличительные черты нашей *современной цивилизации* соединяют голоса в один отрицательный крик: «Нет. Не может. Не удовлетворяет...»

Как объяснить реакцию (не из религии и не от духовенства истекающую реакцию) против материализма, проявлениями которой гремит ныне воздух... Не означает ли эта самородная, бесконтрольная реакция, что мир до смерти устал под давлением самонадеянности, догматизма, деспотизма и духовной слепоты «современной науки»... Так недавно еще люди призывали вмешательство науки ради спасения от суеверия, ханжества и нелепой рутины понятий; еще вчера они приветствовали каждое слово ее как освобождение от ржавых оков, тяготивших мысль, всегда стремящуюся на свободу. Но наука в руках ее лжеапостолов оказалась сразу подобна присяжному черту монашеских легенд: она потребовала в уплату за знание бессмертную душу человека.

Ну а что же в это время творили церкви с их *христианским* духовенством. Католические и протестантские церкви сладко почивают на хорошо набитых пуховиках, довольные своими царскими содержаниями, своим влиянием общественным и политическим значением, а пока они спят – пир, плоть и дьявол присваивают себе их пароли, их чудеса, их убеждения, аргументы, влияние и слепую веру. Спириты и медиумы, – о, церкви Христовы, – обезоруживают вас... Спиритуалисты – украли «священный огонь» с алтарей ваших и им осветили залы своих сеансов; сальвационисты (Армия спасения) взяли ваше священное вино и духовно опиваются им по всем улицам; а язычники украли оружие, которым вы их самих когда-то победили, и громко вам кричат, что «то, что вы проповедуете как ваше учение, давно им известно и много раз было сказано ранее».

Да! Виноград ныне вполне созрел в виноградниках и ждет настоящих, добрых и верных виноградарей для сбора плодов... Никогда еще более широкая и достойная миссия не открывалась духовным руководителям.

Если бы дали они миру доказательства сколько-нибудь удовлетворительные, подходящие под уровень нынешнего развития их паств, – что Бог и Его бессмертный Дух в человеке – истины непреложные, фактически существующие в природе, – разве человечество не обратилось бы к ним в восторженной благодарности. Не приветствовало бы их как своих спасителей от пессимизма, отчаяния и ожесточающей, с ума сводящей мысли, что нет человеку другого назначения, как несколько страдальческих лет непосильной борьбы с несправедливостью судеб, а затем – бламок. Нет объяснения, нет надежды, нет воздаяния, а есть лишь единая *необходимость* бороться за блага мирские, никого и ничего не щадя, – прямой вывод из убеждения, что в нашей земной юдоли для несчастного человечества – начало и конец *всего*.

О, если бы наместники Христовы и виноградары их оказались на высоте своего призвания.

Но нет... Не имеют они ни познания, ни веры, необходимых для спасения мира; а ваша церковь, милорд Примат, пожалуй менее, чем другие: ее связывает и парализует тяжелый жернов *восьми миллионов* фунтов стерлингов ежегодных доходов, привешенный ей на шею...

Тщетно стараетесь вы облегчить ладью вашу, выбрасывая за борт балласт тех доктрин, в которых праотцы ваши полагали существенную жизненность христианства. Что может ныне делать ваша церковь, как не бежать от ветра без парусов и без руля, пока духовенство старается кое-как прекратить отовсюду открывающуюся течь посредством «новых пересмотров» и «новых редакций» самих себя переживших текстов. И все это не ради веры и не ради благ духовных, а для спасения груза мирских благ, выпадающих служителям вашей церкви как благодетель за социальное и политическое давление.

Кто воздвиг величественный Кантербьюрийский собор, милорд? Кто измыслил и пустил в ход великую машину духовной корпорации, которая делает возможным завидный пост Архиепископа Кантербьюрийского? Кто заложил основание той обстоятельной системы государственного вознаграждения духовных лиц, которая Вашему В[ысоко] Преподобию предоставляет 15000 ф[унтов] ст[ерлингов] в год и великолепный дворец? Кто установил церемониалы богослужения, которые с незначительными сокращениями и упрощениями составляют литургию англиканской церкви? Кто потребовал своим особам горделивые титулы и величания, которые ваше духовенство и себе уверенно усвоило?.. Кто же, как не мать ваша римская церковь, против которой вы возмутились. Но мы говорим это не в духе вражды... Теософия видала возникновение и падение многих верований и еще будет свидетельницей рождения и смерти многих других. Мы знаем, что религии народов не минуют общего закона вымирания. Наследовали вы или силою отняли у Римской церкви ваши положения и преимущества – это дело ваших врагов и вашей совести. А наше отношение к церквям сообразуется лишь с их действительными заслугами. Мы знаем, что та из них, служители которой не в силах выполнять истинные, духовные их обязанности, – идет к падению и разрушению. И это даже в том случае, если вина лежит не на ней, а на ее наследственных стремлениях или условиях ее связывающих.

Ведь англиканскую церковь можно очень верно сравнить с поездом, бегущим по рельсам по инерции силою импульса, данного ему прежде, [чем] огонь в котле был затушен. Когда он оставил главный путь, он попал на боковую ветвь, никуда не ведущую... Поезд ныне едва ползет и множество пассажиров его бросили, чтобы пересесть на другие поезда. Оставшиеся на нем прекрасно знают, что они в зависимости от малой толики паров, оставшихся в котле в ту минуту, когда из-под него устранили огонь, зажженный искусными машинистами в Риме. Они даже подозревают, что стоят на месте, только притворяясь, что едут, но игра в стремление поезда вперед ведется добросовестно: машинисты свистят, кондуктора озабоченно бегают осматривая билеты, молотки постукивают по колесам, чтобы пассажиры были спокойны. В общем выходит даже довольно приятная игра, потому что вагоны теплы и удобны, а дни ведь холодные стоят; и все служащие в этой компании на акциях весьма любезны с пассажирами, их ничем не стесняя, лишь бы они оплачивали места и не спрашивали, куда их везут... Но те, которые знают куда хотят приехать, – не могут быть довольны.

Вот уже несколько веков, что англиканская церковь играет трудную двойную игру. Она в одну сторону веет холодом, а в другую – подбавляет жару. Католикам кричит: «*Рассуждайте*». А скептикам внушает: «*Веруйте*». И вот именно ловким разделом этих двух веяний она поддерживала свой центр тяжести и не сходила с рельсов в ров... Но теперь сами рельсы поддаются под нею: в воздухе пронеслось нечто враждебное... Послышались рассуждения критические: нужны ли-де такие затраты... Заговорили о сокращении штатов, об уменьшении окладов... Так что же церковь ваша говорит в свою пользу? Неужели ей нечего сказать в защиту своих служителей, в доказательство, что они нужны и полезны? О, да! Они полезны, бесспорно. Разве корпорация образованных, не очень светских, довольно нравственных людей, рассеянных по стране, стремящихся все же помешать людям окончательно позабыть слово «религия», старающихся весьма часто быть центрами общественной благотворительности и порой не жалеющих трудов на посильную помощь ближним, – может быть бесполезна?.. Но дело в том, что теперь уж не в том главная задача, чтобы раздавать милостыню нищим или совершать богослужения, как пятьсот лет тому назад... Народ достиг совершеннолетия; он хочет сам править не только своими общественными и частными делами, но и своей совестью и своими верованиями, ибо он пришел к заключению, что духовные отцы его о «небесных делах» знают не более, чем он сам.

Но говорят, что англиканская церковь до того либеральна, что всем бы следовало ее поддерживать. Действительно, не надо от нее отдаляться, чтобы иметь право принадлежать к какой-либо секте и посещать превосходные *имитации* ее богослужений. Но не означает ли такая широкая терпимость общей слабости и разложения... Церковь нашла необходимым превратиться в общественную арену, куда каждый может являться со своими частными интересами и личным багажом и невозбранно искать им место под единым условием поддерживать общие интересы прихода.

Такие свободомысле и терпимость противны всем законам истинной веры и их появление отнюдь не знак ее силы, а напротив, – приближающегося распада. Не менее обманчива и ее энергия в построении храмов. Если б в том было мерило религиозности, какой бы это был благочестивый век!.. Никогда тысячи гибнущих от голода и холода не имели такой широкой возможности, как ныне, умирать под сенью величественных соборов, воздвигнутых во имя Того, Кто, как и они, не имел куда преклонить головы... Но разве Иисус вам говорил, милорд, что благочестие лежит не в чистых сердцах людей, а под золотыми куполами рукотворных храмов... Вы не можете претворить вашего благочестия в гранит и пустить его в дело с пользой. История нам свидетельствует, что окаменение религиозного чувства в человеке столь же опасный недуг, как и окостенение сердца... Впрочем, сколько бы вы не строили церквей и как усердно бы не благотворили бедным, это не то животворящее дело, которого меньшая братия ждет от вас, служителей Бога. Благо творить и воздвигать храмы могут и миряне; а ваше бездействие – там, где ваше прямое дело – в требованиях духа, в вопросах не только земной жизни, а бытия вечного, – еще разительнее открывать наготу и несостоятельность ваших понятий.

Приходит время, когда пастыри призваны будут к отчету в охране вверенных их паств. Готовы ли вы, милорд Примат, объяснить Господу вашему, почему Вы давали детям Его камни, когда они требовали пищи духовной?.. Вы, быть может, улыбаетесь нашему *напоминанию*... Вы спокойны воображаемой безопасностью, ибо слуги Господни так долго бражничали во внутренних покоях дома Его, что они вполне уверились, что никогда Он не вернется. Но не говорил ли Он вам, что возвратится «яко тать в нощи»⁹ никем нежданный... И – вдумайтесь: уж не возвращается ли Он, возрождаясь в сердцах людей... Да. Он идет владеть Своим наследием – царствием Отца Своего – именно там, где и было от века их единое царство. Он пришел уже, но вы Его не познали!

Если бы церкви Его сами не поддались потоку отрицания и материализма, поглотившему общество, они признали бы быстро развивающийся зародыш Духа Христова в сердцах тысяч и тысяч людей. В сердцах тех самых отверженных ими, быть может, которых они называют язычниками или помешанными. Они бы признали, быть может, в них искру того духа любви, самоотвержения, бесконечной жалости к невежеству, безумию и страданию мира, который горел в сердце Иисуса во всей полноте своей и святости.

---

⁹ 1 Фес. 5, 2.

Мы, теософисты, верим, что этот свет веры истинной горел в сердцах Преобразователей, Святых Учителей человечества и в другие века среди других народов. Это светочи, которым избранные всех времен старались руководиться, следуя по узкой тропе, ведущей к спасению, – именно той тернистой тропе, на которой подвизался Дух Истины (Christos, Христос) – в каждом воплощении.

И вот, милорд Примаат англиканской церкви, – мы почтительно изложили перед вами главные пункты розни и несогласий между теософией и нынешними католическими и протестантскими церквями, также как и наше убеждение в полном единстве теософии и учения Иисуса. Вы слышали наше *profession de foi*¹⁰ и узнали печали и жалобы, накопившиеся в сердцах наших против догматического, слепого, так называемого лишь по имени, христианства наших дней. Мы, пригоршня скромных частных лиц, не владеющих ни богатством, ни значением в свете, но сильных нашими знаниями и непоколебимой верой в значение бытия человеческого и в бесконечную справедливость Силы Предвечной, именуемой Богом, – соединились в надежде восполнить то дело, которое, говорите вы, поручено было вам от самого Господа, но которое находится в небрежении и плохо ведется колоссом – богатой мирскими преимуществами и сильной мирским влиянием христианской церковью. Вы, статья может, это признаете непростительной самонадеянностью... Но неужели в этой стране свободы мнений, свободы речи, свободы борьбы за убеждения – вы не захотите отозваться на искренние речи наши иначе, чем обычной «анафемой» – этим вечным орудием церкви против всяких реформаторов... Или мы можем надеяться, что горькие уроки прошлого повлияли благотворно на сердца и умы ее представителей и что грядущий год (1888) будет свидетелем желанного события: увидит руки христиан протянутые нам в благоволении и дружестве... Это бы послужило доказательством, что наша маленькая корпорация, называемая «Теософическим О[бщест]вом», не считается вами «союзом пионеров антихриста» или «войском сатаны», а быть может, даже взглянете на нас благосклонно как на помощников ваших и друзей христианства.

Уверяем Вас, что мы стремимся исполнять именно те дела человеколюбия и милосердия, которые были завещаны своим последователям Иисусом Назарянином, Буддой и другими предшествовавшими Иисусу Сынами Божиими, воплотившимися во спасение людям.

Мы просим ваше В[ысо]ко Преподобие не стесняться, если вы найдете возможным доказать нам, что мы не правы и что несправедливо относимся к церкви, во главе которой вы стоите, и к популярной теологии вообще. На ваши *справедливые* возражения – мы искренно готовы повиниться. Но – «молчание – знак согласия»¹¹.

---

¹⁰ исповедание веры (*фр.*).

¹¹ На это послание ответа не последовало. Или – вернее последовал ответ не словом, а делом. Архиепископ Кантербьюрийский познакомился с Е.П.Б[лататской], никогда не выражался о ней иначе, как с уважением, а жена его несколько раз ее посещала и с глубоким интересом относилась к Теос[офическому] О[бщест]ву. – *Примечание В.П.Желиховской.*

Этот собственноручный перевод с английского сделан сестрой автора Верой Петровной Желиховской. – *Примечание Н.В.Брусиловой.*